

ТО, С ЧЕМ ВСЕ СОГЛАСНЫ

Светлана Чедомир Камджияш¹

*Педагогический факультет им. св. К. Охридского,
Скопье, Р. Македония*

Key words: happiness, fear, pain, truth, right choice, values.

Summary: The main goal of this paper is to examine the concept of happiness, through the question what the happiness depends on. It argues that in order to achieve it, several conditions need to be fulfilled: the correct approach towards pain and suffering; deep understanding and awareness of the levels of human nature (levels of the self); adoption of human values which are inherent to the human nature itself, in order to become capable for right choices.

Ключевые слова: счастье, страх, боль, правда, правильный выбор, ценности.

Аннотация: Основной целью статьи является рассмотрение концепта "счастье", того, от чего зависит состояние счастья. Для того чтобы достичь этой цели, необходимо соблюдение ряда условий: рассмотрение телеологии боли и страдания, глубокое осознание структуры человеческой природы (уровневой природы субъекта); понимание ценностей, присущих человеку и необходимых для совершения правильного выбора.

Существует один вопрос, на который никто не смог бы ответить «нет». Это вопрос: хотим ли мы быть счастливы. Но разве кто-то научил нас так отвечать? И почему, несмотря на значительные технологические достижения, облегченный доступ к информации, связи, растущее множество образованных людей и значительный прогресс медицины, число тех, кто посещает психотерапевтов и ищет различные способы освобождения от стресса, все увеличивается? Неужели это состояние постмодерна является результатом того, что Жан-Франсуа Лиотар суммирует в своем одноименном исследовании: «Явно или неявно, но вопрос, задаваемый студентом, (...) это уже не вопрос “Верно ли это?”, но “Чему это служит?”. В контексте меркантилизации знания чаще всего этот последний вопрос означает

¹ © Камджияш С.Ч., 2013.

“Можно ли это продать?”. А в контексте повышения производительности – “Эффективно ли это?”².

Другими словами, нас интересует не реальное знание, но лишь то, какую пользу мы от него получим и сумеем ли выгодно его продать. Способствует ли этот принцип утилитарности и эффективности улучшению качества жизни и помогает ли он в формировании цельной личности как предпосылки для достижения такой всеобщей цели, каковой является счастье?

Понятие счастья

Великие умы (Сократ, Аристотель, Августин, Шелер, Рассел и др.) занимались этим вопросом, а именно пытались понять, что подразумевается под термином *счастье* и как его достичь.

Аристотель определяет это состояние (*eudaimonia*) как высшее благо, которое позволяет достичь цели и включает в себя ценность всех видов человеческой деятельности и влечений. Очевидно, что люди стремятся приобретать богатство, почести и власть. Но эти стремления не являются целью сами по себе. Они лишь пути к достижению высшей цели: «...[счастье] – это начало в том смысле, что все [мы] ради него делаем все остальное»³. По мнению Аристотеля, только счастье является целью самого себя и всей остальной деятельности, оно не может быть средством достижения чего-то еще, и это его первая характеристика. Вторая – это самодостаточность, что означает, что оно должно быть благом или комплексом благ, которые делают жизнь такой, какую стоит прожить, а, с другой стороны, насколько человеческая природа позволяет это, оно не должно быть подвержено воздействию обстоятельств, или страху его потерять, потому что это бы его умалило. Таким образом, делает вывод Аристотель, основными свойствами счастья являются независимость и стабильность. «Ведь одна ласточка не делает весны и один [теплый] день тоже; точно так же ни за один день, ни за краткое время не делаются блаженными и счастливыми».

Счастье, по мнению Аристотеля, является постоянным состоянием, независимым от внешних переменных обстоятельств, и,

² Рус. пер. цит по: Лиотар, Жан-Франсуа. *Состояние постмодерна*. СПб., 1998. Пер. с фр. Н.А. Шматко.

³ Здесь и далее русский перевод Аристотеля цит. по: *Философы Греции* / Пер. Н. Брагинской. М.: Изд-во «ЭКСМО-Пресс», 1997.

следовательно, мы можем заключить, что оно предполагает личное участие.

Само древнегреческое существительное (*eudaimonia*) происходит от слов *eu* или *ev*, что означает «добро», и *daemon* – относящееся к божественной творческой силе, или (согласно Гесиоду) доброму духу-хранителю, помогающему людям. Буквально это имя существительное может быть переведено как «добродушие». Сократ свой внутренний голос, отвращавший его от принятия неправильных решений, называл *daemon* и считал, что он является внутренней связью с собственной высшей природой. *Eudaimonia* подразумевает положительное, возвышенное состояние, к которому стремятся. Лингвисты считают, что в южнославянских языках существительное *среќа* «счастье» происходит от корня *сред-*, который может иметь расходящиеся по смыслу значения: «встреча; середина; средоточие». Отсюда мы могли бы вывести косвенные значения, что счастье – это: а) результат того, как мы встречаем вещи, как мы сталкиваемся с ними, б) действие из средоточия собственного бытия, в) срединный путь и г) преодоление или объединение крайностей.

В русском языке это слово происходит от «часть», что указывает на часть вещей, которые необходимы человеку, и тем самым сближается по значению с английским словом с корнем *hap-*, происходящим от древнескандинавского *happ-*, употребляющегося в значении «шанс, счастливый случай», и протогерманского **khanan* «источник» и древнеанглийского *gehaep-* «то, что соответствует, желаемое», связанного со словами *happening* «случай, происшествие» и *perhaps* «возможно». В романских языках корень *fe-* в *felix*, *felicitas*, кроме счастливый, означает и «плодовитый, рожденный». Отсюда и *fe-mina* «женщина», *fe-cundus* «плодовитый», *fe-tus* «зародыш» и т.д.

В санскрите слово *ананда* означает полное, нерушимое счастье, вытекающее из постижения или достижения неуничтожимой внутренней сущности человека, его истинного Я (*атман*). Этимология слова *ананда* – приставка «*a*» и корень «*nand*». «В таком сочетании с «*nand*» эта приставка предполагает динамический аспект углубления, сосредоточения и даже внутреннего проникновения» (Parameshwarnanda, 2000: 14). В буддийских системах эквивалентным словом является слово «*нирвана*», произошедшее от «*нир*» «над» и «*вана*» «лес», которое буквально означает «сверх-лес». Когда сознание поднимается над «лесом появляющихся обликов», над противоречиями, оно достигает состояния полного блаженства в единстве всех вещей.

Размышлявшие о счастье были согласны в том, что счастье как постоянное состояние достигается путем сознательного участия и приложения усилий, и неизбежно приходили к вопросу, от чего оно зависит, или какие факторы препятствуют достижению этого блаженного состояния.

Л.Н. Толстой свою «Анну Каренину» начал с фразы, что все счастливые семьи похожи друг на друга, а каждая несчастливая семья несчастлива по-своему, что близко к концепции Платона об идее как совершенстве, проявления которого различаются по степени отклонения от этой идеи. Тот же принцип может быть применен к состоянию счастья как состоянию исполненности, в то время как недостатки, которые препятствуют его достижению, являются переменными.

Отношение к боли

Первую часть своего исследования «Завоевание счастья» Б. Рассел посвящает анализу ключевых причин человеческого несчастья в современную эпоху, приводя в пример следующие: нездоровую одержимость самим собой, страх, байроновское несчастье как легкое презрение к миру, конкуренцию, скуку и волнение, усталость, зависть, чувство греховности, манию преследования и страх перед общественным мнением.

«Моя цель состоит в том, чтобы предложить лекарство от обычного, повседневного несчастья, от которого страдает множество людей в цивилизованных странах, которое становится тем более невыносимым, что для него нет никаких видимых причин, и именно поэтому оно кажется неизбежным. Я считаю, что это несчастье в значительной степени проистекает из неверного взгляда на мир, ошибочной морали, неправильных обычаев, которые приводят к уничтожению природного стремления и страсти к тому, от чего зависит счастье всех людей и животных» (Russel, 2003: 13) «... Почему пропаганда настолько более успешна, когда она способствует ненависти, чем когда она поощряет дружеские чувства? Ясно, что причина этого в том, что человеческое сердце, каким его сделала современная цивилизация, более склонно к ненависти, чем к дружбе. А склонно к ненависти, потому что не удовлетворено. Потому что глубоко чувствует, может быть, неосознанно, что так или иначе упустило истинный смысл жизни, что, может быть, другие, а не мы сами получили все те блага, что дает природа для того, чтобы наслаждаться ими» (Там же: 101).

Человеческие страдания в различных формах существовали всегда. Даже мыслители, которые на место высочайшего блага ставят удовольствия (эпикурейцы), советовали отказываться от удовольствий, если они приводят к долгосрочным страданиям. И наоборот, подвергаться страданиям, если это приводит к долговременному удовлетворению (Ср. Kenny Ch., 2006: 8).

М. Шелер в этом смысле демонстрирует существование духовного закона, который заключается в следующем: чем больше мы хотим избежать боли, тем чаще кажется, что боль настигает нас. Чем больше мы ищем радость, тем дальше она уходит от нас (Scheler, 1963). Почему это так? Счастье является целью, но оно приходит только как результат, как мы увидим далее, как следствие человеческого развития.

Мы можем согласиться с тем, что все человеческие страдания (исключая телесные) могут быть сведены к двум общим категориям: быстротечности и неисполненности или – незавершенности. От этого (быстротечности) происходит одно из самых больших препятствий на пути человеческого счастья, а именно страх.

Страх

«Новое время должно было стать большим шагом вперед от страха, к миру, свободному от слепой и неумолимой судьбы – теплицы для выращивания страха» (Bauman, 2010: 10). Современные специалисты по этике единодушны в том, что наша эра проникнута страхом, но не тем обычным, который инстинктивно спасает жизнь, а коварным страхом, своего рода подавленным ужасом, который Бауман называет текучим страхом. Профессор Л. Сведсен вводит еще одно понятие. По его мнению, страх заполняет каждую пору общества, подрывает общественное доверие и превращает его в «общество риска», что ведет к тому, что мы на все смотрим через призму страха, который формирует наши действия, приводя их к иррациональности в попытке избежать риска (по Svedsen, 2008). Что такое страх, кроме того, что он является одной из самых сильных эмоций? Это страх перед неизвестностью, выражение полной неуверенности в себе и в мире. Самое интересное определение страха, по моему мнению, дает Ф.С. Шинн, когда говорит, что «страх это всего лишь извращенная вера, это вера в зло вместо веры в добро» (Shinn, 2003: 11).

«Странно, но, тем не менее, обычно и известно всем нам облегчение, которое мы испытываем, внезапный приток храбрости и энергии, когда после долгого времени дискомфорта, беспокойства, мрачных прогнозов и бессонных ночей мы, наконец, лицом к лицу

сталкиваемся с реальной опасностью, с видимой и осязаемой угрозой» (Bauman, 2010:). Президент Ф. Рузвельт в своем инаугурационном выступлении так сказал о страхе: «Позвольте мне выразить мое твердое убеждение, что единственное, чего мы должны бояться, это самого страха». Сам страх хуже, чем момент конфронтации. Но как оградить себя от террора мысли? Рассел, как и Шинн, считает, что этого можно достичь с помощью тренировок, дисциплины разума. «Я уже говорил об умственной дисциплине (...) Существует много психологических исследований о влиянии подсознания на сознание, и очень немного о влиянии сознания на подсознание. Это особенно необходимо учитывать, когда речь заходит о тревожности, которая является одной из форм страха. Лично я считаю, что сознательную мысль можно привить, если делать это с достаточной решимостью и упорством. Большая часть бессознательного состоит именно из того, что было когда-то крайне эмоциональной сознательной мыслью, которая в настоящее время похоронена. Этот процесс похорон может быть намеренным, и, таким образом, бессознательное может совершить полезную работу (Russel, 2003: 80). Победа над страхом открывает новую дверь, дает совершенно новое понимание самого себя, приближает нас к первоначальному смыслу каждого события.

Телеология боли и страдания

Страх напрямую связан с болью и страданием. В течение многих лет я спрашиваю студентов: *какова цель страдания*, другими словами, *для чего нужна боль*.

В своей лекции (Education in Human Values в Бомбее) проф. Тулсидас сказал, что когда приходит радость, мы широко открываем двери, чтобы приветствовать ее, но, когда приходит страдание, мы закрываем их и не хотим впускать его внутрь. Страдание и радость в этом мире, сотканном из противоположностей в единстве, как два крыла бабочки, противоположны друг другу, но исходят из одного источника. Это показывает и общий корень трагедии и комедии в своей ритуальной форме – обе посвящены одному и тому же богу жизни, страсти и обновления, Дионису. Веками мы наслаждаемся гениальными произведениями искусства Баха, Малера, Данте... Если бы не было страдания, под вопросом оказалось бы само существование искусства, как совершенной артикуляции его сути и окончательного восхождения, сублимации страдания.

Исчерпывающий ответ на вопрос о цели страданий дает М. Шелер в своем исследовании «О смысле боли». Он исходит из парадокса боли как явления: *то, что не может осмыслить себя, но заставляет*

мыслить нас. А его ключевым утверждением является следующее: «Происхождение и основа растущей боли – это сопротивление злу» (Scheler, 1963: 401). По его словам, настроения и аффекты не противоречат смыслу и значению. Другими словами, боль и страдание являются не фактами, эмпирическими данностями или биологическими рефлексам, но генезисом смыслов. Он понимает их существование как телеологическую структуру, что означает, что каждое явление тяготеет к определенной цели, а все отдельные цели объединяются в стремлении к более высокой цели. Сама жизнь, по его представлению, это «глубокое измерение опыта, глубоких слоев чувств» (Scheler, 1963: 331). Эта «глубина» – это процесс углубления, устремленный к самой основе, фундаменту жизни, даже тогда, когда некто живет, всемерно пытаясь избежать этого углубления. Различные степени глубины жизни выражают целесообразность ее структуры как увлечения интенсивности. Сама жизнь интенсифицируется, идя от отдельного тела к телу жизни, от тела жизни к единству жизни, от единства жизни к жизни души и от жизни души к жизни духа.

С индивидуальной точки зрения, это означает: а) почувствовать ощущения, связанные с органами чувств, б) почувствовать ощущения, связанные с телом и жизнью в целом, так называемые витальные ощущения, в) душевные переживания, связанные с осознанием «я», и г) чисто духовные переживания. Прожить жизнь не означало бы, что определенное состояние консервируется, но что оно углубляется, интенсифицируется. Жизнь интенсифицируется путем перехода с определенного уровня глубины на другой, таким образом жизни дается больше силы, и она становится более всеобъемлющей. Покинуть себя через боль, чтобы получить нечто более глубокое и более возвышенное, это та точка зрения, через которую следует воспринимать страдания. Говоря словами Шелера: любое страдание – это боль роста (Scheler, 1963: 46). Это страдание нового рождения. Концептуальная основа, которая позволяет любое страдание определить как болезнь роста, является отношением части к целому. Любая боль, по мнению Шелера, возникает от единичного, но движется к всеобщности, это боль на пути к осуществлению более высоких ценностей (по Scheler, 1963: 33).

На макроуровне отдельная смерть позволяет осуществить непрерывность жизни как целого, в то время как на микроуровне уход с определенного уровня интенсивности жизни и сознания позволяет перейти на более всеохватывающий, более высокий уровень сознания и ценности. Этим утверждением Шелер приближается к концепциям восточной философии, в которой высшее счастье, даже неизменяемое

состояние полного блаженства *ананда* или *нирвана* (в зависимости от философской системы), может быть достигнуто только через расточение индивидуального сознания (эго-сознания) и его слияние с высшим, над-личным, всеобъемлющим сознанием (*виджняна*), для которого ближайшим подходящим термином западной психологии было бы «надсознательное». С этой отправной точки правильный подход к боли состоял бы в бесстрашном противостоянии, сублимированном в вопросе: чему это может научить меня, в расширении границ «я-сознания», интенсификации сострадания, в соблюдении принципа одинаковости в инаковости.

Жизнь трудна. Это великая истина, одна из величайших истин вообще. Величие состоит в том, что если мы эту истину видим по-настоящему, то уже преодолеваем ее, выходим за ее пределы. (...) Жизнь предлагает нам бесконечную последовательность проблем, она всегда трудна и полна боли, но также и радости. Да, именно в этом процессе столкновений с проблемами и их решении жизнь обретает свой смысл. Проблемы – это грань, отделяющая успех от неудачи. Именно они и формируют нашу смелость и нашу мудрость. Только благодаря проблемам мы растем умственно и духовно (...) Привычка уклоняться от проблем и сопутствующего им эмоционального страдания лежит в основе всех психических заболеваний человека. Изящно и кратко об этом сказал Карл Юнг: «Всякий невроз – это замещение закономерного страдания» (...), если мы избегаем законного страдания, которое возникает в борьбе с проблемами, то тем самым мы избегаем собственного развития, которое и стимулируют в нас эти проблемы. (...) Другими словами, давайте будем учиться сами и обучать наших детей необходимости страдания, пониманию его ценности» (Рекс⁴, 2009: 9–11).

Пути к счастью

В диалоге, посвященном счастью (Платон, Евтидем, 279–280), все собеседники соглашались, что благами для человека являются следующие вещи: здоровье, красота, богатство, благородное происхождение, власть, успех... Тем не менее, очень много людей, обладающих всеми этими благами, в наше время обращаются за помощью к врачам, прибегают к различным видам средств, ведущих к самозабвению, и лечатся от разных зависимостей. Но и во времена

⁴ Русс. перевод цит. по: Пек, Морган Скотт. *Непроторенная дорога* / Пер. В. Трилиса. Киев: «София», 1999.

Сократа было не намного лучше. Он спрашивает о вышеуказанных благах, остаются ли они таковыми, если используются неправильным, неразумным образом, полезно ли нам любое благо без умения им воспользоваться и без мудрости?

«...как представляется, все то, что мы раньше называли благами, не потому носит это имя, что по самой своей природе является таковым, но вот почему: если этими вещами руководит невежество, то они – большее зло, чем вещи противоположные, причем настолько большее, насколько сильнее они подчиняются руководящему началу, выступающему как зло; если же их направляют разумение и мудрость, то они скорее будут добром; само же по себе ни то ни другое ничего не стоит...

Поскольку мы все стремимся к счастью и, как оказалось, мы счастливы тогда, когда *пользуемся вещами, причем пользуемся правильно*, а правильность эту и благополучие дает нам знание, должно, по-видимому, всякому человеку изо всех сил стремиться стать как можно более мудрым. Не так ли?⁵» (ibid. 281d – 282a).

В этой части приведенного текста из слов Сократа можно сделать следующий вывод: тот, кто меньше ошибается, менее плох, а тот, кто менее плох, менее несчастен. Что означает:

Потенциал (некое благо): незнание → ошибочные (плохие) дела → плохие последствия → несчастье

Потенциал (некое благо): знание → правильные (добрые) дела → хорошие последствия → счастье

В нашей стране в настоящее время актуален лозунг «знание – сила». Самое главное в том, что будет с этой силой, куда она будет направлена. Не счесть примеров того, что даже знанием можно злоупотребить. Китайцы изобрели порох и на протяжении веков использовали его для фейерверков, а европейцы сразу употребили его в качестве оружия. Обладать – значит иметь возможность, но чтобы *быть* надо иметь выбор. Существует знание как информация и *знание* как возможность для трансформации, что равно мудрости.

В философии Платона, неоплатонизме и большинстве восточных философских систем зло равносильно незнанию. Ведь никто не выбирает зло. Каждый выбирает, думая, что выбирает добро, даже если он думает, что нечто хорошо для него, пусть и в ущерб другим, он все-таки поступает так по незнанию, так как закон причинности,

⁵ Рус. перевод цит. по: Платон. *Диалоги* / Пер. С.Я. Шейнман-Топштейн. Москва: «Мысль», 1986.

причинно-следственная связь, пронизывающая всю Вселенную, охватывает, в соответствии с этими системами, не только материальный уровень, но и духовный. Каким бы ни был мотив неправильного действия, он показывает отсутствие мудрости, а человек, произведший это действие, может быть, поначалу и получит некую выгоду, но на макроуровне ему придется испытать последствия своих действий. Как говорят в народе и как написано в Библии: что посеешь, то и пожнешь.

Часто люди думают, что творят добро, а им в ответ возвращается зло. Вот что говорит об этом Рассел: «Мотивы наших добрых дел редко так чисты, как мы себе представляем. Стремление к власти коварно. У него много масок, и часто сам источник удовольствия находится в мысли, что мы делаем добро другим» (Рассел, 2003: 128).

Достижение счастья

Согласно Платону (Там же: 281), счастье зависит от двух вещей: разума и мудрости. Что же такое разум?

Основным значением древнегреческого слова *arête* является 'добродетель'. Оно происходит от санскритского корня *pum* (nom. sing. *ritam*, от которого происходит и корень *reg-*), который означает космический порядок. *Pitam* – это закон, который обеспечивает правильность любого движения во Вселенной – правильный путь. С его помощью тот, кто соблюдает порядок или поступает правильно, становится добродетельным человеком. От этого корня происходят: лат. *ritus*, а также *rectus* 'ритм космоса, производное ритуал или обряд, предназначенный для поддержания космического порядка', и протоиндоевроп. производное *reg*, которое означает 'правильность, точность, правильное направление'. В англ. это слово *right* правильно, а в романских языках – 'верно, правильно'. А само греческое слово имеет несколько значений: доблесть, добродетель, совершенство, сила, честность, правильность, добро, ловкость, красота, счастье, справедливость, великодушие, невинность, благородство. Можно отметить, что счастье напрямую связано с добродетелью (напр. у Платона).

Для достижения добродетели необходима, как уже упоминалось у Рассела, Шина и бесчисленных учителей с Востока, дисциплина мысли. Скотт Пек в свою очередь, формулирует свой четырехступенчатый метод, который включает в себя: отсрочку удовольствия, принятие ответственности, преданность истине и уравнивание. Отсрочку удовольствий он определил как процесс планирования трудностей и удовольствий, таким образом, чтобы

сначала заниматься неприятными делами с тем, чтобы покончить с ними как можно быстрее и тем самым усилить удовольствие. Например, мы учим детей сначала делать уроки, чтобы игра казалась им слаще, без этого даже игра не принесет полного удовольствия (по Реск, 2009: 16).

Правильное отношение к самому себе: самоуважение, любовь к себе и чувство собственной ценности естественным образом проистекают из самодисциплины, служащей фундаментом системы основных человеческих ценностей. Иерархия ценностей позволяет сделать правильный выбор – начальное условие для достижения внутреннего удовлетворения и счастья.

Правда

От основных человеческих ценностей (справедливость, мир, любовь, свобода...) правда отличается тем, что она – ценность, на которой основаны все другие, потому что, когда есть правдолюбие, из него естественно происходит справедливость, а когда есть справедливость, за ней неизбежно следуют спокойствие и мир, любовь. Приверженность истине есть не только фундаментальный императив всех наук и философии, но и одно из фундаментальных человеческих устремлений. Но, как говорится в поговорке, «она любит скрываться», так что поиск ответа на загадку мира, жизни, человека ... становится интересной и захватывающей игрой.

Корень слова *истина* в некоторых славянских языках означает *то же самое*, что указывает на то, что его суть – всегда быть одной и той же – неизменность. На санскрите это существительное *самья*, произведенное от корня *сам*, что значит – бытие, существование, т.е. то, что существует всегда, в древнегреческой философии – *onthos*, а в Ветхом Завете – то, что есть – Яхве.

Качество жизни связано с тремя основными вопросами: кто я (правда о себе); что есть этот мир (правда о мире); и какова моя роль в нем (правда действия). Целью культуры и процесса образования в целом является получение информации, которая приводит к трансформации, а значит – формированию характера. Еще Гераклит сказал, что судьба в характере (Diels, фр. 121). Само слово *характер* происходит от греч. *харакс* ‘давать облик, врезаться’. Как скульптор в грубом камне нарезки уже видит совершенную фигуру, которую он может изваять, так человек стремится увидеть и извлечь лучшее из себя.

Психологи, антропологи, философы и богословы дают разные ответы на вопрос: кто я такой. В процессе формирования собственной

личности самое главное – это осознание самого себя и возможность выделения как основа для правильного выбора, содержащегося в вопросе: «какая часть меня хочет этого?». Наиболее простой и эффективной в этом смысле является модель личности Платона (Платон, Государство: 449 а – 480).

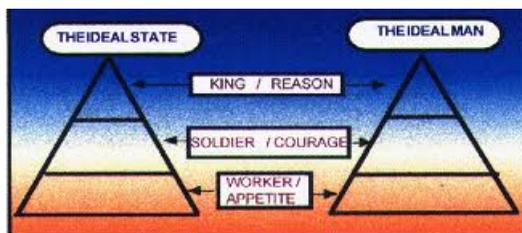

Рис. 1. Модель личности по Платону.

Самая нижняя часть комплексности человека – витальная, это сознание тела, которое включает в себя все телесные потребности и порывы, телесные удовольствия – это «голодный» уровень личности, который у нас является общим со всеми живыми существами, его символ – многоголовый дракон. Добродетель, которой следовало бы руководствоваться витальной частью, это умеренность, а ее слабой стороной является алчность. Средний уровень – волевой, это эго-сознание, связанное с самоутверждением, конкуренцией, успехом и достижениями, его символ – лев. Его добродетелью является храбрость, а недостатками – гнев и зависть. Самый высокий уровень, характеризующийся разграничением или различием (греч. *логистикон*), – высший интеллект – разум, свободный от эгоизма, способный разграничить постоянное и временное, правильное и неправильное, хорошее и плохое, истинное и ложное. Его добродетелью является мудрость, а символом – человек. Основная идея, как говорит сам Платон, в том, что «каждая часть должна получить свое», так что человек должен укротить льва, чтобы суметь одолеть дракона», как показано в этой иерархической модели.

Профессор Р. Барретт дополняет модель Платона. «Наши личные способности достичь успеха зависят от принятия решений, которые поддерживают нас в стремлении к сохранению и увеличению внутренней стабильности и внешнего равновесия, личной, а также групповых структур, организаций, наций. На личном уровне это означает быть в состоянии принимать решения, отвечающие потребностям нашего эго и души. Поэтому очень важно понять процесс принятия решений. От этого зависит развитие личности,

развитие вашей группы, организации, нации. (...) Когда мы исследуем собственный день, мы понимаем, что все наши решения являются результатом сотрудничества трех факторов: телесного сознания, эго-сознания и духовного сознания. Иногда эти факторы конфликтуют. Чтобы уравновесить этот конфликт, необходимо определить приоритеты» (Barrett, 2012: 88).

Как указывает Платон, эго-сознание заботится о нашей эмоциональной потребности в безопасности, самоуважении, самоутверждении – и это приносит удовольствие. Но, с другой стороны, эго-сознание приводит к трудностям, связанным с опасениями потерь и лишений. Мы счастливы, когда наше эго удовлетворено, но это счастье не постоянно. «Когда эго-сознание принимает решения, оно превалирует над потребностями духа. Духовное сознание представляет суть того, что мы есть и чем можем быть. (...) Она участвует в вопросах, связанных с необходимостью роста: чтобы жить аутентично и использовать личные таланты для самореализации и вклада в мир. Когда потребность в духовном росте удовлетворена, состояние счастья не исчезает. Оно все более углубляет уровни мотивации и приверженности духовной цели. Мы чувствуем радость, когда можем удовлетворить потребности нашей души. Когда восторг исчезнет, нам останется чувство благополучия» (Barrett 2012: 12).

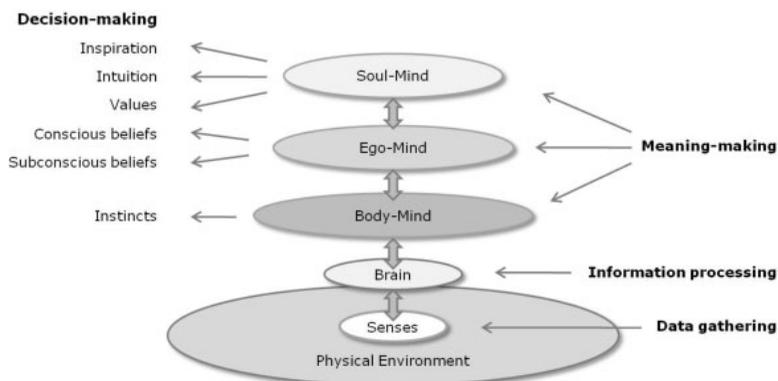

Рис. 2. Модель личности у Р. Барретта.

Как видно из модели Барретта, принятие решений происходит в четыре этапа: 1. Сбор данных, 2. Обработка данных, 3. Выработка мнения, 4. Принятие решения. Тогда телесное сознание *реагирует*

инстинктивно, эго-сознание *отражает* сознательные и бессознательные убеждения, а духовное сознание *отвечает* вдохновением, ценностями и интуицией.

В то время, когда универсальные человеческие ценности (правда, справедливость, любовь...) отступают перед нападением прибыли, технологического развития и власти, важно осознать, что речь идет о вечном выборе между временным и постоянным. Выбор постоянного является предварительным условием для счастья, потому что, когда не существует принятых ценностей, сама жизнь теряет свою ценность.

Любовь

Во всем, что создало человеческое вдохновение, в каждом из искусств, любовь занимает центральное место. И все же, как бы мы ни пытались постичь ее суть, она остается предметом философии, психологии, социологии... Многочисленные определения не охватывают ее сущности одновременного соединения и отдаления.

В отличие от современных языков, в которых слово *любовь* может относиться к разным вещам, таким как еда, спорт, предметы, животные и, наконец, люди, искусство, Бог..., в древних культурах существовали различные выражения, соответствовавшие виду любви, который они выражали. В санскрите: *раса* – это эротическая любовь, *бакти* – любовная привязанность, *прия* – дружеская привязанность и *према* – безусловная, божественная любовь. В древнегреческой культуре слово *филия* означало любое чувство преданности и привязанности между людьми; *еротике* – эротическая привязанность и *агапе* (в христианском контексте) – безусловная божественная любовь. В восточных философиях, как и в христианстве, одним из законных способов метафизической эмансипации является путь любви, который рассматривается как преодоление собственных границ и личный подъем к всеохватности.

Самой старой (из известных нам) попыток артикуляции любви в западной культуре является орфический миф об Эросе, который появляется как первое божество, родившееся из Тьмы (невежества) в виде серебряного яйца, чтобы создать космос – порядок, красоту. Его мать назвала его Протогенос ('первороденный') и Фаэфонт ('светлый'). В отличие от тьмы, которая есть изоляция, неизвестность и отсутствие «бытия», или существования, свет делает вещи видимыми, и они таким образом становятся целым. Символ яйца, который присутствует в космогонических мифах различных культур, есть форма, которая не является идеальным кругом, но эллипсом, что означает, что, хотя оно и круглое, но в нем существуют полюса,

крайности, противоположности, здесь объединенные. Яйцо является прототипом атома и самой Солнечной системы как универсальный облик объединения. Эта мифологическая картина передает значение Эроса как всепроникающего объединяющего света, любви (Эроса), как связующей силы существующего мира.

И у Платона, в беседах Сократа (Платон, 1979), Эрос рождается от Пеннии (бедность) и Пороса (божественного изобилия) как символ исконной жажды любви в человеке и одновременной возможности полноты любви и самоотдачи. Движение любви у Платона есть процесс одновременного самосовершенствования и самопознания от индивидуального к общему, от общего к самой красоте, которая в его системе эквивалентна истине, потому что то, что воистину прекрасно, не может быть ложным, и наоборот, участвуя в творческом процессе рождения. Рождение охватывает диапазон, который начинается от физического рождения потомства и тем самым участия в продолжении рода и некоторым образом прикосновения к вечному, до рождения духовных детей, плода вдохновения в искусстве и науке, и до рождения самой души в красоте и истине – обнаружения ее вечной природы как ответа на вопрос: кто я.

Проблема современного отношения к любви и неудовлетворенности ею Э. Фромм (Фромм, 2006) рассматривает с двух точек зрения. Первая – это общее мнение, что не существует ничего, что можно было бы узнать о любви. Она есть то, что наступает случайно и охватывает нас, если нам повезет. Вторая, которая вытекает из первой, состоит в том, что проблема сводится к тому, достаточно ли мы «хороши», чтобы нас любили, что означает: для мужчин влиятельные и богатые, а для женщин красивые и привлекательные. Отсюда он делает вывод, что современная проблема любви в поисках объекта – того, кто полюбит нас, а не в реальной проблеме – умеем ли мы любить. Фромм утверждает, что любовь есть умение, которым можно и нужно овладеть, «если мы хотим научиться любить, мы должны поступать точно так же, как нам предстоит поступать, когда мы хотим научиться любому другому искусству, скажем, музыке, живописи, столярному делу, врачебному или инженерному искусству» (Фромм⁶, 2006: 14) По его словам, суть любви «это активная заинтересованность в жизни и развитии того, что мы любим» (Фромм, 2006: 36).

⁶ Рус. перев. цит. по: Фромм, Эрих. *Искусство любить. Исследование природы любви* / Перев. Л. Трубицына, А. Ярхо, А. Соловейчик, СПб.: ИД «Азбука-классика», 2007.

Он утверждает, что любовь есть отношение, ориентация характера, которая определяет связь человека с миром в целом, а не с «объектом» любви. Если человек любит только какого-то одного человека и безразличен к остальным ближним, его любовь это не любовь, а симбиотическая зависимость или преувеличенный эгоизм. (Ibid. стр.59) Условием возможности любить других является любовь к себе. Если вы любите себя, вы можете любить и другого, как самого себя. В разделе, посвященном практике любви, он приводит необходимые методы: дисциплина, концентрация, терпение и преодоление собственного нарциссизма. Но всем им предшествуют две вещи: вера и мужество.

С. Пек дополняет Э. Фромма (Пек, 2009: 65): мы сказали, что дисциплина – это путь духовной эволюции. Рассматривая то, что лежит в основе дисциплины, придающей ей силу, мы считаем, что это есть сила любви. В прямом смысле этого слова мы пытаемся изучить неизучаемое и объяснить необъяснимое. Любовь слишком глубока, чтобы быть полностью понятой и ограниченной словами (...) Для меня любовь – это воля к тому, чтобы продлить себя, помочь своему и чужому духовному росту и созреванию, поэтому акт любви становится актом самосозревания даже тогда, когда его целью является не собственное развитие, но развитие другого».

Резюме основных характеристик и рекомендаций для овладении навыками любви по С. Пеку:

1. Расширение собственных границ подразумевает усилия, потому что любовь становится ощутимой только через усилия, в факте того, что у нас есть воля сделать дополнительный шаг к другому (или к себе). Любовь не легка, а трудна.

2. Любовь – это выражение воли, которая является одновременно намерением и действием. Это означает выбор. Мы не должны любить, но мы можем выбрать любовь. Когда мы решили попробовать и сделать что-то во имя духовного развития, это означает, что мы сделали выбор в пользу любви. Любовь – это работа, суть нелюбви – лень.

3. Любовь – это не чувство влюбленности. Влюбленность – это резкое нарушение границ из-за эротической привлекательности. Влюбленность исчезает, но может и подняться до истинной любви.

4. Одним из самых распространенных заблуждений является то, что любовь – это зависимость. Зависимость – это форма антилюбви, потому что развитие не является ее целью. Она не способна переносить одиночество, несчастье и страдание, которые влекут за собой развитие. Единственное стремление зависимости – это

удовлетворение своих собственных потребностей. Отсутствие любви формирует пассивно-зависимых людей. Дети, которых не любят, входят во взрослую жизнь с глубоко укоренившимся чувством, что они не достойны любви. Этим людям не хватает самодисциплины. Они держатся за прошлые отношения и тогда, когда следует от них отказаться, потому что им не хватает ответственности перед самими собой.

5. Полотно любви содержит широкую картину развития личности. Известно, что лишение в подходящий момент более позитивно, чем получение в неподходящий момент, и что поощрение независимости является более сильным выражением любви, чем проявление заботы о том, кто вполне может позаботиться о себе.

Мы коснулись основных идей развития человека, являющихся руководящими принципами для достижения счастья. Можно сделать вывод, что счастье требует усилий и жертв, но также что необходимо знать свою природу, что соответствует точной системе иерархии ценностей, чтобы сделать правильный выбор. Правильный выбор приводит к правильным действиям, последствием чего является блаженное состояние души. Некоторые философы дали четкие рекомендации, следуя которым счастье будет сиять в нас и вокруг нас.

Пер. с макед. О.В. Панькиной

Литература:

- Аристотел. 2003. *Никомахова етика*. Скопје: Три.
- Лиотар, Ф. 2007. *Постмодерна состојба*. Скопје: Аз-Буки.
- Пек, С. 2009. *Патот по кој споретко се оди*. Скопје: Наша Култура.
- Платон. 1979. *Гозба или за љубовта*. Скопје: Македонска Книга.
- Расел, Б. 2003. *Освојување на среќата*. Скопје: Макавеј.
- Фром, Е. 2006. *Уметноста на љубовта*. Скопје: Ѓурѓа.
- Шин, Ф. С. 2008. *Играта на животот и како се игра*. Скопје: Силсонс.
- Barrett, R. 2006. *Building a values-driven organization: A whole system approach to cultural transformation*. Oxford: Elsevier Inc.
- Bauman, Z. 2010. *Fluidni strah*. Novi Sad: Mediterran.
- Diels, H. 1983. *Predsokratovci*. I. Zagreb: Naprijed.
- Kenny, Ch. *The philosophy of happiness*. http://charleskenny.blogs.com/web-log/files/kenny_chapter_1.pdf.
- Parameshwarnanda, Swami. 2000. *Encyclopedic dictionary of the Upanishads*. Vol. 3. New Delhi: Sarup & Suns.
- Platon. 1976. *Država*. Beograd: BIGZ.
- Platon. 1981. *Eutidem*. Beograd: Grafos.
- Scheler, M. 1964. *Schriften zur Soziologie und Weltanschauungslehre in Gesammelte Werke*. Band 6. Bern und München: Francke Verlag.

- Stone, Abraham D. 2010. *On the Teaching of Virtue in Plato's Meno and the Nature of Philosophical Authority*. http://people.ucsc.edu/~abestone/papers/short_meno.pdf
- Svedsen, L. 2008. *A philosophy of fear*. London: Books of reaction Ltd.